

Баба Яга

Васька уже битый час ворочался в своей кроватке, пытаясь заснуть.

За окошком густились серые сумерки. Сквозь тюль занавесок виднелись облетевшие ветви старой черемухи. Их плавно качало ветром, и чудилось Ваське, и не ветки это вовсе, а лапы сказочного зверя. Он машет ими, хочет быстрее убаюкать, чтобы ночью прийти к Ваське во сне и люто напугать.

На улице хрипло и глухо, точно кашляющий дед, гавкал соседский пёс, ленивым лаем провожая уходящий день. Ворчливо кудахтали куры, в полудрёме толкая друг дружку на тесном насесте – словно бабы-торговки в переполненном автобусе, чтоб занять место поудобнее. Беспокойно вскрикивала потерявшая сон одинокая птичка.

Не спалось и Ваське.

Жарко, душно и скучно. Васька поправил сбуровленную простынь, покомкал и перевернул на уютно прохладную сторону подушку.

Свесив голову, осторожно заглянул под кроватку – нет ли там Бабайки? Пусто...

Сосчитал до двадцати, как учил папка. Старался медленно, но получилось все равно быстро. А дальше Васька считать пока не умел.

Задумчиво почесав пуп под цветастой пижамкой, он через приоткрытую дверь стал вслушиваться в разговор родителей, что полуночиляли внизу на кухне. Вполголоса, чтобы не разбудить Ваську.

Мама говорила торопливо, сбиваясь с шепота на громкие всхлипы, часто шмыгала носом и тяжело вздыхала.

А папкин голос звучал ровно и убедительно спокойно. Наверное, думал Васька, папка, как всегда, гладит маму по плечам, шутливо сдувает ей чёлку со лба, нежно сжимает двумя пальцами ее заплаканные щеки, отчего на них появляются смешные ямочки, а лицо озаряет робкая улыбка. Папка, вскинув изломанную бровь, подмигивает маме, и они опять обнимаются. Вот еще – телячьи нежности...

Васька любил папкин голос. Он мог взбодрить и пожалеть, похвалить за заправленную постель и заставить убрать игрушки, спеть и рассмешить до коликов, подражая коту Матроскину или Бармалею. Даже когда он ругал Ваську за пакостные проделки, то ничуть не обидно и не зло.

И совсем по-особенному звучал папкин голос, когда он рассказывал Ваське сказки перед сном. Так интересно и завораживающе рассказывал, что и спать-то вовсе не хотелось.

А к маминому плачу Васька уже давно привык. Плакала она и по ночам, и днем – украдкой, чтоб Васька не видел.

Не всегда, конечно, а когда папка был на войне.

«И чего она ревет? – не понимал Васька. – Там же здоровски круто и прикольно! Танки, самолеты, пуляться можно, сколько хочешь – тра-та-та-та! Э, да что с нее взять – женщина! У них только стряпня да магазины на уме. И красятся все время. Фу!» И Васька, обреченно вздохнув, забирался к маме на колени и гладил ее по плечам, как папка...

Васька сильно обижался, что папка не берет его на войну. «Хитренький, ему всегда везет, – дулся он. – Он нацистов будет бить, а мне опять завтра в садик, к малышне».

Васькин папка и правда был везучий. В прошлом году на рыбалке он поймал здоровенного судака: никто-никто даже малюсенького не заудил, а он смог! А осенью, копая картошку, нашел монету старинную и Ваське подарил. Даже когда папка приехал домой весь исхудавший, с посеревшим лицом, пропахший дымом, порохом и больницей, с толсто забинтованной ногой, которая долго-долго не желала ходить, то и тогда говорил, что ему здорово повезло. Потому что, сказал, его сама Баба Яга укусила, а он – живёхонек!

Васька испуганно и недоверчиво вытаращил глаза. Про Бабу Ягу он знал из сказок – вредная и злая старуха с метлой, которая шныряет по небу в ступе. Ну, такой летательной штуке, что-то вроде НЛО... Колдует и детей в печке жарит. Страшно некрасивая, похожая на сварливую соседку тетю Киру. А никак не на бабу Лилу, папину маму, которую Васькина мама почему-то иногда за глаза зовет Бабой Ягой. «Оюшки, если как тетя Кира, которая вечно ругается и дерется крапивой, то тогда конечно – такая Бабка Ешка запростяк может укусить, – решил Васька. – Только вот как?! У нее и зубов-то нет!»

Внизу хлопнула дверца шкафа, зазвенели какие-то склянки. «Опять мама валерьянку пьет, – Васька закутался с головой в одеяло. – Потому что папка завтра снова на войну едет. Поэтому забыл сказку мне рассказать. Ну и пусть...»

Но тут по лесенке застучали знакомые шаги. Васька насторожился, будто котенок, присел на кровати, уставился на дверь.

Проём заслонила плечистая фигура в застиранной камуфляжной майке. Васька вскочил и весело запрыгал на кровати:

– Папка пришел!

– Почему не спим, солдат? Команду «Отбой!» не слышал? – притворно строго спросил отец и взъерошил непослушные Васькины волосы.

– Ты же сказку забыл! Расскажи, пожалуйста! Только пострашнее. Я забоюсь и с испугу сразу усну. Честно-честно!

Отец посмотрел на часы. До отъезда оставалось три часа, и трудно понять – целых или всего лишь. Самых дорогих и ценных часа, и ему решать, с кем он их проведет.

Васька поглядел на папку с такой грустной надеждой, что тот мельком оглянулся на дверь, улыбнулся и присел на краешек кровати.

– Какую тебе сказку, Васька? Может, про тёзку твоего – кота Кусь Царапыча?

Васька аж взвизгнул от радости и захлопал в ладоши.

– Не-ет, папка! Эту я уже сто раз слышал...

– Ну, тогда про страшного поддиванного, подкомодного, втемночуланного монстра... Бабайку!

– Не-ет, он и вовсе не страшный, а смешной какой-то. Сидит, бездельник, под кроватью всю ночь и весь день, как дурак, и вылезти боится. Он, наверно, сам трусишка.

– А Волк – Зубами Щёлк? Уж его-то ты точно испугаешься! Р-р-ры!

– Ну, папка-а! – засмеялся Васька. – Его даже Сашка Чечкин не боится, а уж он «храбрец» известный! Расскажи лучше про Бабу Ягу!

– Про Бабу Ягу? Да легко! В одном темном-темном лесу стояла избушка на курьих ножках, и жила в ней Баба...

– Да не про эту, папка, а про ту, которая тебя на войне укусила.

Васька вдруг увидел, как папка переменялся в лице и задумчиво почесал подбородок, будто что-то вспоминая. Не очень, видно, хорошее, потому что чуть дрожащими пальцами он стал машинально гладить себя по ноге. Той самой, за которую Баба Яга тяпнула.

«Бабка Ешка привиделась! Даже папка ее боится», – Васька и сам перепугался. Он схватил отца за руку и прошептал:

– Ладно, папка, не надо про Бабу Ягу. Ну её! Давай уж про Кусь Царапыча...

Но отец встряхнул головой, точно избавляясь от наваждения, коротко выдохнул и начал рассказывать:

– Жил да был мужичок с ноготок, маленький такой, чуть повыше тебя, Васька. Только и делал, что пел да плясал, народ смешил. Все бы ничего, но жутко завидовал он тем, кто сильнее его, выше, умнее и честнее. Злобу таил на людей, что смеялись над ним, и однажды продал он свою душу, и вселился в него бес.

– С рожками?

– С рожищами! Вот такими – беее! И собрал он всю силу нечистую и пошел войной на честной народ. Сманил он в рать свою и Кощея Бессмертного, и Соловья-разбойника, и Идолище поганое, чертей да

чертенят, кикимор, ведьм, кракозямбр разных. И, конечно, Бабу Ягу. Страшнущую, на паука похожую, о шести ногах...

– Ты врешь, папка! Таких Баб Ёг не бывает! У нее всего две ноги, и те – костяные.

– Да бывает – отвечаю! Шесть ног и все с пропеллерами!

Васька аж рот раскрыл:

– Ничего себе! Как у Карлсона? – В свои пять лет Васька был здорово подкован в детских сказках. Может, лучше самого папки. Ничем его не удивишь! – А метла у нее где?

– Какая метла? А-а, метла? Так она давно ее выкинула. Устаревшее оружие! «Баба Яга» сейчас в людей бомбами кидается. Подлетит, нависнет и ка-ак плюнет! Тыдыщ! И от хорошего человека только мокрое место останется... Летает «Баба Яга» по небу, тарахтит страшно, как сто пятьдесят Карлсонов, воеет как триста волков, выглядывает единственным глазищем, кого бы с белого света сжить, кого укусить. Солдат русский? Подавай его сюда! Автобус с мирными жителями? Берегись! Детишки в песочнице? Атакую! Школа ли, больница – ей все едино!

– Ой, а детский садик?

– У-у, малые ребята у нее, паразитины такой, самое любимое лакомство!

Васька в страхе прижался к отцу. «Как же это? – думал он. – Нельзя по садикам бомбами бахать! Заругают ведь!» Он представил, как Баба Яга с диким ревом гоняется за ним, закадычным другом его Сашкой Чечкиным, за Лидочкой Ломовой, которая давно же ему очень сильно нравится, за воспитательницей Ниной Алексеевной и нянечкой Марией Кузьмовной, за садичной кошкой Баськой. Сделалось Ваське и вовсе не по себе, он нахмурил изломанную бровь – ну, вылитый папка...

– Папка, неужели никто на всем свете не может Бабку Ешку победить? Ведь в сказке Иван-Царевич ее одолел. В мультике – Ивашка из дворца пионеров, а ведь он совсем еще маленький был.

– Эх, Васька! Сейчас совсем другие Бабы Яги стали, не те, что раньше. Старых-то можно было и силой переломить, а пуще – добром и лаской перевоспитать. Но все равно правда и сила – на нашей, светлой стороне. Есть и у нас герои, которых никогда никому не победить.

– Как Илья Муромец?

– Пожалуй, посильнее.

– А ты их видел?

– Конечно! Они все – мои друзья. С ними мне никакая «Баба Яга» не страшна.

За окном было совсем стемнело, но тотчас ровными рядами, словно солдаты в парадном строю, засветились уличные фонари. Ветер стих, и лапы сказочного чудища за окном вновь превратились в ветки черемухи. Рядом с папкой Ваське было хорошо и спокойно. Мизюкая ослабевшими веками, он пробормотал спросонья:

– Я очень люблю тебя, папка, и давно знаю, что это ты тот самый герой. Только не признаёшься, чтобы тебя враги не узнали. Я ведь уже большой, всё понимаю, – Васька перевернулся на другой бок. – Ладно уж, иди к мамке, а то она опять будет плакать...

Засыпая, Васька думал, что его папка все равно в тысячу раз сильнее Бабы Яги, и он больше ни за что не даст ей себя покусать. И детские садики, которые там, далеко, но в которые ходят такие же Васьки и Лидочки, от злой Яги обязательно защитит. И если все на свете папки будут такие же смелые, как у него, то никакая нечистая сила нас не возьмет.

А отец дождался, когда Васька сладко засопел во сне, поправил на нем одеяльце и подумал, что пусть самыми страшными страхами для Васьки останутся Бабайка, Полудница, Дрёма, Волчок, что кусает за бочок. Пусть даже соседка тетя Кира, что не к ночи будет помянута. Лишь бы не эти «Бабы Яги», «Леопарды», «Точки У», «Хаймерсы» и прочая дрянь.

Для того он и на войну пошел, чтобы снились Ваське только хорошие сны и приходили добрые сказочные герои...

Максим Шардаков
2025 г.